

ЖДИТЕ ЖЕНЩИНУ

Сборник детективных историй

Андрей Толкачев

Андрей Николаевич Толкачев

Ждите женщину!

Серия «Частное расследование»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73885397

Аннотация

«Ждите женщину!» – сборник из семи остросюжетных детективных историй, в которых привычный мир даёт трещину, а на поверхность выходит самое тёмное и загадочное, что скрыто в человеке.

Журналистка-любитель ведёт собственное расследование изнасилования в элитном отеле и неожиданно для себя превращается в вершительницу правосудия. Группа туристов отправляется в поход по «Ущелью Дьявола», но мистические пирамиды из камней и исчезновение людей заставляют усомниться: кто здесь жертва, а кто – охотник? Женщина, сошедшая с поезда на станции «Дно», видит вещие сны об убийствах и не может понять: она спасает жизни или предвещает смерть?

Герои этих историй – бывшие заключённые, одержимые местью, косметологи, столкнувшиеся с детоубийцей на рабочем месте, «безумные королевы», теряющие грань между реальностью и бредом, а также старые заброшенные дома, которые помнят

и не прощают. В каждом рассказе есть изнанка: за бытовой драмой скрывается мистика, за случайной встречей – роковая неизбежность.

В каждом детективе Андрея Толкачева нужно раскрыть тайну той роли, которую играет женщина. Она – жертва, свидетель, соучастник, сыщик, палач или спасительница? Ищите женщину – и найдёте ответ на вопрос, который боялись задать.

Семь дверей. Семь тайн. И одна истина: если вы решили, что всё поняли, – вы уже в ловушке.

Содержит нецензурную лексику.

Содержание

Предисловие	5
Один из нас в отеле «Marine Garden»	6
1	7
2	11
3	18
4	22
5	31
Ущелье Дьявола	36
Часть 1	36
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Андрей Толкачев

Ждите женщину!

Предисловие

Журналистка-любитель ведёт собственное расследование изнасилования в элитном отеле и неожиданно узнает себя в другом лице. Группа туристов отправляется в поход по «Ущелью Дьявола», но мистические пирамиды из камней и исчезновение людей заставляют усомниться: кто здесь жертва, а кто – охотник? Женщина, сошедшая с поезда на станции «Дно», видит вещие сны об убийствах и не может понять: она спасает жизни или предвещает смерть?

Герои этих историй – бывшие заключённые, одержимые мстостью, косметологи, столкнувшиеся с детоубийцей на рабочем месте, «безумные королевы», теряющие грань между реальностью и бредом, а также старые заброшенные дома, которые помнят и не прощают. В каждом рассказе есть изюминка: за бытовой драмой скрывается мистика, за случайной встречей – роковая неизбежность.

Семь историй. Семь женщин. Семь дверей. Семь тайн.

И одна истина: если вы решили, что всё поняли, – вы уже в ловушке.

Один из нас в отеле «Marine Garden»

«Иногда само алиби и есть преступление».
Станислав Ежи Лец

Тридцать человек были приглашены осенью 202... года, в отель «Marine Garden» на побережье Черного моря на тренинги по продажам B2B. Но вернулись не все.

1

Над Чёрным морем стояла чёрная ночь с субботы на воскресенье. Звёзды рассыпались по чёрному небу и дрожали во влажной мгле южного неба. Я три раза мысленно повторила слово «чёрный» просто от великолепного впечатления, пока глухой, мерный шорох гальки давал понять, что море дышит, как живое, тёплой и солёной грудью, и одинокий огонёк рыбачьей шхуны у самого горизонта посылает мне своё крошечное, радостное приветствие. Так всё начиналось. Так я, наконец, должна была переключиться от той московской суеты, что ещё днём звенела в ушах навязчивым гулом метро и треском дедлайнов. Да, пусть осенью, и пусть у меня на «всё про всё» был один полноценный день – и две вот таких волшебных ночи. Этого хватит, – подумала я, глядя, как в темноте рождается призрачное сияние: огромный, хрустальный отель, чей первый этаж, весь из стекла, растворялся в ночи, и свет из него лился до самого моря, как приглашение окунуться.

Я искала глазами отель, и мой взгляд, привыкший к тесноте каменных стен, уловил в темноте сияние огней – будто огромный айсберг выплыл из ночи и замер на берегу. Это и был отель, весь сотканный из стекла и отражений. И казалось, что само море входит в просторные залы тихой, синеватой водой своих отсветов.

Отель принял нас радушно и даже пафосно как-то. Возведённый прямо на берегу моря, четырёхэтажный отель из стекла и света поражал своей архитектурной дерзостью. Первый этаж – это единое, невесомое пространство, полностью заключённое в панорамное остекление от пола до потолка, стирающее границу между изысканным лобби, лаунж-зоной с дизайнерской мебелью и живописной набережной. Или это мне одной так кажется, что морской бриз, солёный воздух и переливы воды стали частью интерьера? Что устремлённый ввысь силуэт здания зеркально отразился в лазурной глади, будто айсберг, забредший сюда из Баренцева моря?

Наш тренинг на площадке данного отеля проходил впервые – может, организаторам хотелось, чтобы мы и на следующий год... в общем, им хотелось. Нас расселили в одноместные номера. На ужине все познакомились друг с другом. Написали на записочках пожелания друг другу, по одной случайно вытащили и разбежались.

Я сидела и тихо наблюдала, как за стёклами, установленными вместо стены, бушевал ветер и гонял тучи туда-сюда. Погода никак не могла сподобиться облить всё наконец дождём, трепала флаги разных стран и усердно лепила листья деревьев на стекло.

Мне было комфортно. Если честно, я наслаждалась собой: успешный менеджер, бонусами не обделённый, успешный изгнать скрягу-мужа, в белье «La Perla». Ну кто не пробовал – это труссы как бабочка без крыльев, хотя они себя

почему-то называют «жемчужиной среди белья». Так вот, я в первый морской вечер под ароматный чай чувствовала, как приятно в таком белье, и рисунком можно наслаждаться постоянно. Каждая женщина должна его попробовать, иначе она на дне. Да-да, я не шучу! На дне, где-нибудь в Шарм-эль-Шейхе, среди разноцветных рыбок. Наверняка неугомонный изобретатель женских штучек Готье нырял там и даже как-то вынырнул и выдохнул: «La Perla, бля!» Ещё, по-моему, Damaris экспериментирует с чем-то подобным. Ну, отвлеклась.

Итак, я маленькими глотками пила чай из причудливо-белого чайника, белогривого крепыша. Зачем-то затягивала этот процесс, будто нельзя просто глотнуть, спокойно так глотнуть. Нет же, растягивала вечер, хотя на завтра предстоял тренинг. «Ну, развались!» – приказала я чайнику мысленно. Какой там! Подошёл официант и предложил добавить туда кипятка, хотя я уже подумывала о туалете.

Тут и подвалил ко мне один тип. Мужчина-крепыш был нетрезв и хотел горячего знакомства. «За февраль я заработал поляма долларов, – начал он доклад. – А тебя как зовут?» – перешёл он к прозе жизни. Но тут до нас добрался ещё более нетрезвый мужчина и крикнул по-богатырски на первого: «А дай-ка я тебе в е... ло дам!» Первый выпрямился, видимо, чтобы обдумать предложение второго, но быстро получил обещанное и завалился за моё кресло. Нырнул, можно сказать.

Я молча встала, с сожалением глядя на танцпол, где зазвучало неумолимое минимал-техно, и пошла к выходу. Вот тут по пути я и увидела, что из нашего десанта в баре, кроме меня, сидела всего одна девушка, остальные были местные клиенты.

– Катя, я ухожу спать, – на всякий случай кинула я ей, хотя мы не сидели вместе.

Она показала, что всё «ок», она ещё останется.

Я поднималась по ступеням, а перед глазами у меня всё ещё была Катя. Как она сидела у стойки бара, как свет софита падал на неё из верхнего угла, вылепливая изящный силуэт в платье-футляре цвета воронова крыла. Вот почему я не захватила с собой платье? Чем я думала? Хотя у неё фигура лучше, более очерченная. Тонкая талия, тонкие ноги, изогнутые в коленях под барным стулом, – она мне показалась невероятно эффектной. Не стараясь привлечь внимание, она просто его поглощала, как чёрная дыра поглощает свет.

2

Утром за окном бушевало неестественно яркое, образно выражаясь, жестокое для осени солнце, тем более после ночного шторма. А море было спокойным, гладким и цинично красивым. Смотришь – и молодеешь на год, хотя мне ещё нет и тридцати. Ради этого впечатления я, наверное, и приехала, – так подумалось, пока «тётка» (это я о себе) спускалась на завтрак.

В большом зале я направилась к Кате: она расположилась за угловым столиком у огромного окна, где вчера сидела я.

Её нельзя было узнать. Катя сидела предельно прямо, но казалась меньше ростом, будто её физически съёжило. На ней был невзрачный серый кардиган, наброшенный поверх вчерашней вечерней блузки – словно она в темноте нащупала первое попавшееся и натянула его, не в силах смотреть на себя. Волосы были собраны в тугую, болезненный на вид пучок у основания шеи, будто она хотела скрыть красоту своих волос. Макияж просто отсутствовал. Лицо было странно гладким и опустошённым, как маска из беловатого воска, с двумя тёмными провалами вместо глаз. Только синева под ними, тонкая и чёткая, как подводка, выдавала ночь без сна.

Я села напротив и ждала, что она скажет. Перед ней стояла нетронутая чашка кофе. Она держала её обеими ладонями. Пальцы были идеально прямыми и неподвижными.

Её спина не касалась стула, как будто ей всё здесь казалось мерзким. Взгляд был направлен в тарелку с идеальной, аппетитной ягодной тарталеткой, но был абсолютно пустым, не фокусировался. Казалось, она пришла сюда, не задумываясь зачем: совершить обыденный ритуал «утреннего завтрака» или просто некуда идти? Соблюдала видимость нормы.

Когда мимо проходили наши новые знакомые с бодрым «Доброе утро!», она поднимала глаза. И в этом взгляде было что-то, от чего улыбка собеседника замирала и сползала с лица. Это был не испуг, не ярость, а холодная, бездонная чуждость. Она не притронулась к еде. Просидела так, может, десять минут, а может, целую вечность. А затем встала с той же неестественной, собранной осторожностью, будто её тело было хрупким сосудом, наполненным до краёв чем-то тёмным и колким, и вышла из зала, не оглядываясь, унося с собой тишину, которая была громче любого крика. После её ухода даже воздух в углу у окна казался разреженным и холодным, как после чьего-то ухода навсегда.

Я догнала её в холле.

– В отеле маньяк. Меня изнасиловали, – выдохнула она.

Я оцепенела. Чтобы в отеле, у всех на виду, совершить такое? Может, у неё что-то с психикой? Я набросила на неё куртку и потащила к морю.

– Ты вчера с кем-то познакомилась?

– Нет, не в этом дело.

– Ты его не знаешь?

– Нет. Слушай. Я поднялась на свой третий этаж, была темнота, я шла на ощупь. И он на меня напал... Я так испугалась, у меня перехватило дыхание. Не могла даже закричать.

Я вдруг подумала, что когда поднималась по лестнице на четвёртый этаж, действительно на третьем не горел свет. Маньяк наверняка уже стоял в темноте и мог наброситься на меня. Бр-р-р, дрожь прошла по коже.

– ...Он на меня набросил сетку. Представляешь, сетку.

– В смысле?

– Такую тонкую сеть, в которой я была как связанная, вообще не могла двигаться.

– Ты не закричала?

– Говорю же, нет. Он локтем пережал мне горло, я задышалась. Затащил в номер и рот заклеил скотчем.

Здесь Катя не выдержала и разревелась. Сквозь слёзы она добавила, что насильник издевался над ней: сначала в платье, потом стянул с неё платье и оставил в чулках, а потом, также в темноте, перетащил её в номер, положил на кровать, ушёл и закрыл за собой дверь. Время она не посмотрела.

– Кто он? Ты бы его сейчас узнала?

– Кто-то из мужчин, приехавших на тренинг...

– Соберись. Какие приметы у него?

– Кажется, высокий, очень сильный и агрессивный. Я думала, он меня убьёт.

– Катя, прости, прости, но почему ты решила, что он тебя убьёт? Что тебя на это натолкнуло?

– Он хватал меня как вещь... Как тряпку, понимаешь?

Сколько я ездила по подобным мероприятиям, такое слышала впервые. Ужасные подробности из её рассказа – отключенный свет в коридоре, когда она возвращалась с ужина; свет её фонарика; насильник, поджидающий сзади; липкая жидкость на полу; сеть, накинутая на неё сзади; кляп; маска на мужчине, который её затащил в свой номер и цинично издевался, – всё было как в детективе, который смотришь ночью с пультом по телевизору. У меня сразу возник образ паука, который прятался в темноте и подкараулил свою жертву. Но ведь готовился он ещё в Москве и привёз сеть наверняка в дорогом чемодане, чтобы никто не подумал, что такой солидный человек тащил с собой сеть. Вот мы шли вместе по аэропорту, а он смотрел на нас, женщин, улыбался, говорил любезности и наверняка представлял, как будет каждую насилловать. Жуть.

Я, Эвелина Ларкина или просто Лина, – не любительница детективов, но несправедливость и жестокость, особенно по отношению к незащитным людям, меня всегда бесили и выводили из равновесия. У меня в жизни был подобный случай с подругой, которая попала в большую беду, стала жертвой группового изнасилования. Она потом сломалась, ушла в тяжёлую депрессию, и я ничем ей не смогла помочь.

Катя не просила, она умоляла о помощи, и я поняла, что его достану, хоть из-под земли.

...Мы условились всё держать в секрете, не звонить в по-

лицию, администрацию не смущать, чтобы суетой не вспугнуть насильника, да и срывать мероприятие... это ни к чему. А сама я в это время спрашивала себя: «Чем думала Катя, когда смывала сперму всё утро?» А потом ещё одну мысль «думала»: «Хоть и найдут остатки спермы, но как доказать, что не по обоюдному согласию? Побоев ведь не было на её теле».

Дело предстояло провести спокойно и потихому. Насильник жил на одном с ней этаже, значит, круг подозреваемых сузился. Это всего семеро мужчин.

До тренинга мне не составило труда взять электронные списки у организаторов, озабоченных тем, чтобы мы все перезнакомились. Также они мне сообщили, кто в каком номере, когда я сказала, что проведу опрос, чтобы составить портрет участника тренинга. Затем, во время первой лекционной сессии тренинга, я на своём «компе» перенесла на отдельный файл фотографии и анкетные данные семёрки подозреваемых, добавила всё, что узнала нового, приписала свои ассоциации и сказала себе: «Ну что, мать, давай, ты же не зря училась на психолога».

● **Аркадий Семенчук.** Региональный менеджер, лет пятидесяти, с громким голосом, взглядом свысока и властным рукопожатием. Познавший жизнь эпилептоид. От него пахнет сладким одеколоном и уверенностью, купленной в кредит. Ему все должны подчиняться. Не одну девушку принудил к сексу, это точно. Мне почему-то напоминает индюка.

● **Максим Воронов.** Молодой, амбициозный стартапер. Похож на шоумена Тимура Родригеса. Занудный до предела. От него пахнет потом. Носится с телефоном как с продолжением руки. По-моему, сексуально озабочен, поэтому зыркает глазами и щурится, оценивая стоимость всего и вся, включая собеседника. Такой молодой петушок в большом курятнике.

● **Георгий «Гоша» Сидоренко.** Ветеран продаж, большой, ленивый, добродушный увалень с мелкими, хитрыми глазками. Напоминает мне Гошу Куценко. Мастер собирать кампании, рассказывать байки и создавать иллюзию «своего парня». Женщины сами идут к нему, а он – ленивец на ветке.

● **Игорь Мельников.** Чересчур бледный, мрачноватый, обидчивый тип. IT-специалист, отвечающий за CRM-систему. Высок. Терпелив. Говорит мало, слушает внимательно, движения экономны и точны. Поражает абсолютным, ледяным спокойствием. Но влюбчив, и влюбчив страстно, и решителен, когда ему что-то нужно. Годится в пауки.

● **Антон Крылов.** Тренер по ораторскому мастерству, зачем-то приехал на этот тренинг. Мотивы его не понятны. Небольшого роста. Невероятно обаятелен, с поставленным, бархатным голосом и привычкой похлопывать по плечу и касаться руки собеседника для «установления контакта». Страдает, что его недооценивают. С чересчур подвижной мимикой лица почему-то напоминает мартышку.

● **Александр Журов.** Опытный, лет сорока пяти. Раз-

ведённый, общительный, хитрый, имеет лишний вес, брюхо и, наверняка, проблемы с эрекцией. Постоянно улыбается, будто что-то задумал. Тоже паучок.

● **Виталий Полянский.** Математик, консультант по сложным системам. Выделяется из толпы ростом и манерностью. «Нарциссичный пижон». Похож на пианиста. Понять его мотивы сложно. А из фауны – опять же циничный паук с длинными лапками.

За исключением ленивого баловня судьбы Сидоренко и мелкого Крылова, все под подозрением.

Я решила понаблюдать за ними по ходу выполнения заданий у разных специалистов. Сначала психодрама, потом мозговой штурм и деловая игра. Мы с Катей сели отдельно: она впереди, а я ближе к выходу, чтобы видеть всех.

Конечно, я не в курсе, какой должна быть физиономия маньяка после совершённого преступления, но несвежий измождённый вид должен быть ему гарантирован. Семенчук, Сидоренко, Мельников, Журов и Полянский – у них был явный недосып. Но кандидатуру Сидоренко я уже отмела. Оставались Семенчук, Мельников, Журов и Полянский.

А теперь, ребята, построю вас в шеренгу по одному. И снова всех семерых, чтобы кто-то не проскользнул.

Аркадий Семенчук сидел в первом ряду, важно откинувшись и протянув вперёд две ноги, будто ночью грузил мешки. На вопрос тренера отвечал гулко и пространно, оглядывая зал, словно проверяя: «Ну как я вам!» На Катю он вначале посмотрел с деловым любопытством, но, встретив её стеклянный взгляд, нахмурился и больше не оборачивался. Переключился на Дарью, которая сидела рядом (она тоже с нашего этажа). Во время игры со мной говорил свысока и пару раз повторил фразу: «Девушка... не играйте в шпиона». Индюк, распутивший хвост перед курятником.

Максим Воронов не отрывался от экрана ноутбука,

строчил что-то, периодически бросая на девушек быстрые, оценивающие взгляды, как на испорченный актив. Ко мне он обратился в кулуарах с нарочито-деловым предложением «обменяться контактами для синергии». От него и правда несло лёгким запахом пота и дорогого, но не спасающего дезодоранта. Петушок, клюющий зёрна информации.

Георгий Сидоренко в задумчивости выпадал из аудитории, часто прикрывал глаза, но я видела, как его взгляд щёлочками скользнул по Кате, когда та вышла в туалет. Взгляд был не голодным, а скорее... узнающим. Мне даже показалась ухмылка на его лице. Со мной он завёл разговор о погоде и плохой звукоизоляции в отеле, жалуясь по-свойски: «Слышал, наши девчонки ночью зажигали в баре, а потом повели кавалеров в номера? Ну-ну...» Слишком уж легко он попытался отвести удар от себя, то бишь если кто виноват, то чужаки. Ленивец, играющий роль безобидного и крадущийся к Арине, девушке яркой и сочной.

Игорь Мельников сидел неподвижно, уставившись в одну точку, и лишь его пальцы время от времени постукивали по колену сложным ритмом. На Катю он смотрел долго и пристально, как на интересный экземпляр в музее зоологии. Ни капли эмоций. В игре был заторможен. Мне отвечал на вопросы по техникам продаж односложно, даже не повернув головы: «Да. Нет. Не в курсе». Паук в засаде.

Антон Крылов был душой компании, шутил, очаровывал соседок. Но когда он бросил взгляд на Катю, в его гла-

зах на миг мелькнуло не сочувствие, а профессиональный интерес, будто он оценивал степень «эмоционального вовлечения аудитории». Я к нему в команду не пошла, зато он подошёл во время кофе-брейка, коснулся моего предплечья и сказал бархатно: «Я вижу, вы человек наблюдательный. Чувствуется внутренняя работа. Хотите, поделюсь техникой снятия стресса?» Мартышка, прыгающая по лианам чужого доверия.

Александр Журов активно участвовал, вытирал пот со лба, но его шутки были с двойным дном. Он поймал взгляд Кати и тут же подмигнул ей – жест такой фальшивый и натужный, что у меня сжалось внутри. Со мной он говорил жалостливо, понизив голос, пытался узнать, что с Катей. Но почему у меня? Может, он узнал, что я взяла его себе в пару для выполнения упражнений на коммуникабельность? В его глазах читалось неприятное, сладострастное любопытство. Паук, притворяющийся союзником.

Виталий Полянский был единственным, кто не смотрел на Катю вовсе. Он изучал схему на слайде, а его взгляд был устремлён в пустоту, будто он видел за ней сложные, невидимые другим структуры. Он ни с кем не общался. Когда я случайно встретилась с ним взглядом, он не отвёл его, а просто смотрел несколько секунд – холодно, безразлично, как на нерелевантный объект. Циничный паук, уже знающий, что сеть сплетена.

Каждый из них был странен. Каждый мог быть «тем са-

мым». Но по-прежнему наибольшее подозрение вызывали Семенчук, Мельников, Журов и Полянский.

Я не продвинулась в своём расследовании ни на дюйм.

У меня появились надежды на психодраму, которую проводила женщина-психотерапевт. Психоделическая драма разворачивается в замкнутом пространстве кабинета, где группа участников входит в роли актёров и зрителей собственных внутренних миров. И там, под руководством психотерапевта-режиссёра, главный герой – протагонист – добровольно выносит на импровизированную сцену свою личную историю, конфликт или невысказанное чувство. А потом меняется ролями с другими, теми, кто на время станет для него фигурами из его прошлого или настоящего: отцом-тираном, страдающей матерью, братом или сестрой с девиантным поведением, покинувшим его партнёром и т. д. В этом живом, спонтанном действии, наполненном диалогами и монологами, происходит новое проживание травмирующей сцены.

Но семеро претендентов на роль ночного насильника не стали участвовать ни в одной из ролей. Я подмигнула Гоше, но он отмахнулся.

После трудового дня я разработала экспресс-опрос. Мой план был прост: под видом социологического опроса для «внутреннего исследования» предложить всем участникам тренинга срочно, в течение пяти минут, ответить на три вопроса анкеты в «Yandex Forms»: «Зачем Вы занимаетесь продажами?», «Как вы добиваетесь своего?», «На кого вы похожи из мира братьев наших меньших?»

Естественно, меня интересовали ответы только этой се­мёрки.

Ответы оказались красноречивее любых улик. Добавив их в свою аналитику, я приписала под каждым ответом, что может значить насилие для этого респондента.

● **Аркадий:** «Зачем? Чтобы побеждать! Как? Давлением и авторитетом. На кого похож? На льва, естественно. Царь зверей на охоте». Насилие над Катей в его понимании – это наказание Кати.

● **Максим:** «Зачем? Это игра, и я люблю выигрывать. Как? Скоростью и онлайн-технологиями. Похож на сокола. Выследил – пикировал – добыча моя». Насилие как игра, и ничего страшного. Максим мог просто переиграть Катю таким извращённым способом.

● **Георгий:** «Зачем? Чтобы клиент был счастлив, а я богат. Как? Доверием, как старый друг. Похож на мастифа –

есть такая собачка, ха-ха! Обаятельный, своё возьму». Уязвленное самолюбие. Катя где-то не ответила взаимностью. А его женщины любят, вот и не выдержал. Но Катя его не знала раньше, сетка – это часть плана заранее. Скорее, не он.

● **Игорь:** «Зачем? Это логичный процесс обмена ресурсами. Как? Выстроив безупречную систему. Похож на паука-сенокосца. Сажу в центре паутины, жду, когда сигнал поступит». Насилие заранее спланировано и совершено безупречно. Это в его стиле.

● **Антон:** «Зачем? Чтобы дарить людям нужное им решение. Как? Креативно. Похож на дельфина. Чуткий, контактный, веду корабль клиента в нужную гавань». Всё-таки мог, обидевшись на недостаток внимания к своей персоне. Вот он и написал: «дарить людям», а они, неблагодарные, не берут, и тогда он может «помочь», как с Катей.

● **Александр:** «Зачем? Нужно работать... Как? Хорошими оферами. Похож на... на муравья. Тихо, старательно делаю своё дело». Это мог запланировать и сделать своё «дело», зная, что никто на него не подумает, он ведь такой лачочка, такой «дружелюбный».

● **Виталий Полянский:** «Зачем? Получаю кайф от процесса. Как? Расставляю сети. Покупатель попадает в них сам. На кого похож? На паука. Очевидно же». Здесь вышло описание нападения на Катю. Но не будет же себя человек выдавать с головой? Тем более такой циничный и осторожный, как Виталий.

Отлично! Снова каждый из семёрки мог это сделать.

Анкета, конечно, не тест на правду, а проективный тест на личность и мотивы. И я решила каждого отметить с точки зрения того, в чём он подозревается мною, и загрузить всё в ИИ (искусственный интеллект).

С его помощью выходило следующее.

1. Самый подозрительный из-за вранья и несоответствия: Георгий Сидоренко. Ложь: он позиционирует себя как «старого друга», строящего отношения на доверии, и сравнивает с мастифом – собакой-защитником. Поведение на тренинге: он легко и слишком рано вбросил тему Кати, демонстрируя не защиту, а любопытство. Его истинная метафора – не мастиф, а лиса или енот-воришка, который притворяется милым, чтобы получить своё. Такое расхождение между красивым словом и поступком. Вероятность: высокая.

2. Самый холодно-расчётливый: Игорь Мельников. Его ответ – самый механистичный: обмен ресурсами, безупречная система, паук-сенокосец. Он тоже идентифицирует себя с пауком, но как инженер. Это человек, способный на хладнокровное планирование и воспринимающий людей как ресурсы. Для него насилие могло бы быть не актом страсти, а «логичным процессом» установления контроля или решения какой-то своей извращённой «задачи». Вероятность: высокая.

3. Подозрительный из-за подавленной агрессии:

Максим Воронов. Его ответ честен по своей агрессивной сути: игра, выигрыш, скорость, пикирование сокола. Это хищник в чистом виде, но хищник, действующий как шакал. Преступление же требовало не скорости, а терпения и маскировки. Его ложь – в неприменимости его метода к данному преступлению. Однако его «сексуальная озабоченность» и взгляд на Катю как на «актив» делают его опасным кандидатом, но, возможно, не в роли того самого «паука». Вероятность: средняя.

4. Подозрительно идеальный: Антон Крылов. Его ответ – готовая речь для тренинга: дарить решения, создавать креатив. Это образ спасителя и друга. Такая тотальная, отполированная «светлость» часто является щитом. Его профессия (тренер) учит манипулировать эмоциями и устанавливать контакт (вспомните его похлопывания). Он мог использовать это для маскировки. Его ложь – в отрицании любой тёмной стороны. Вероятность: высокая.

5. Искусный примитивист: Александр Журов. Сравнил себя с муравьём – это ложный образ трудяги, не претендующего на величие. Попытка казаться безобидным («я всего лишь маленький муравей»). Однако его фальшивое и сладострастное поведение на тренинге его выдаёт. Он может лгать, пытаясь спрятаться за образом простого работяги. Вероятность: высокая.

6. Наименее подозрительный: Аркадий Семенчук. Он честен в своём архаичном подходе: давление, авто-

ритет, лев. Это хищник прошлой эпохи, который рычит и заявляет о себе. Подобное преступление требует скрытности, изощёренности, скорости, сноровки, а не грубой силы и публичного позёрства. Его ложь – в преувеличении своего значения, но не в сокрытии хищной природы. Ему не сплести сложную паутинку. Вероятность: низкая.

7. Чересчур честный и педантичный: Виталий Полянский. Он единственный, кто открыто и без тени метафоры называет себя пауком и описывает метод как расстановку сетей. Это не ложь, а почти циничная откровенность. Он не скрывает свою природу, потому что считает себя умнее всех. Его ответ – не улика, но прямая психологическая параллель с методом преступления (сеть, петли, ожидание). Зачем ему себя раскрывать? Нет, насильник всё выкладывать не будет. У Виталия с женщинами нет проблем, зачем ему ловить девушку в коридоре и тащить в свой номер? К тому же я выяснила: именно он в ту ночь спустился к администратору и сказал, что не горит свет. Вероятность: низкая.

Теперь, с учётом всех данных, вывод был таким! Главные кандидаты: Игорь Мельников (холодный системный подход) и Александр Журов (слишком лжив). Все остальные оставались тёмными лошадками, но эти двое...

Я не пошла на ужин, но спустилась на ресепшн и спросила, кто из наших утром выходил на зарядку и не помнит ли администратор, кто был с рюкзачком. Мне ответили, что была большая группа мужчин и кто с рюкзаком, он не запом-

нил. А камеры мне не покажут. Было ясно, что преступник был в этой группе и вынес свою сраную сеть.

Я пошла в бар. Там в большой компании сидели Воронов, Сидоренко и Журов. Позвали меня. Я отказалась и присела отдельно с компьютером. Оставались ночь, завтрак и отъезд. И тут появился шанс вывести одного из главных претендентов на чистую воду. Ко мне подсел Саша Журов с кружкой пива.

Я с лёгкой, приветливой, якобы (подчёркиваю) дружеской улыбкой поправила бокал с белым вином:

– Знаешь, Саша, твой ответ в анкете меня зацепил. «Тихо, старательно делаю своё дело». Это про работу. А что насчёт личного? Там тоже так же – тихо, старательно? Или есть место для импровизации?

Журов развёл руками:

– Ну, ты меня прямо гвоздями к дубу. Личное – оно и есть личное. Там всё по плану. Стабильно. С постоянной женщиной. – Сделал глоток, явно переводя тему. – Вот, кстати, о тренинге...

– Да подожди ты. Ну вот, скажем, рыбалку любишь?

– Да, это святое.

– Ну и взял бы снасти или как это у вас называется?

Он не растерялся и не смутился:

– Да здесь ничего не поймает. Я возьму тебя с собой на озёра. Вот это дело!

Он заказал нам повторения наших напитков. И здесь я ре-

шила блефовать в открытую:

– Но, говорят, сень ты всё-таки взял с собой?

– Кто тебе такое сказал? – его лицо помрачнело, стало злым и серьёзным.

– Ну не важно, ты не беспокойся...

– Ты что-то темнишь? Выкладывай, что там у вас случилось, я всё равно узнаю.

– Да ничего не случилось. А что могло случиться?

– Ну, вон Катерина на кого похожа? Я не в том смысле... она красивая... но что с ней стряслось? Вы же не говорите.

– А почему с ней должно что-то случиться? Кто-то напал на неё в темноте? – И я заглянула ему в глаза, но ничего там не увидела.

Он никак на это не прореагировал.

– Подожди... – я накрыла своей рукой его руку. – Хочу, как ты, научиться жить по плану. А если план даёт сбой? Если что-то... ну, очень желанное возникает на пути... Бросишь план? Вот как муравей – он же, если дорогу перекрыли, ищет обход. Иногда очень настойчиво.

Лицо Журова слегка окаменело. «Неужели я его зацепила???» Его пальцы чуть плотнее сжали стакан, и мне показалось, что этот стакан сейчас будет на моей голове. Он заговорил мягко и нравоучительно:

– Зачем искать обход, если есть маршрут? Все эти... формажоры, встряски, неконтролируемые факторы. Они неэффективны. Риск, что в бизнесе, что в жизни, – только лиш-

ние проблемы.

Я придвинулась чуть ближе, мой голос стал тише и доверительнее:

– Ещё хочу спросить тебя по анализу анкеты. В основном ребята называют себя пауками – ну, типа в сети всех ловят. А ты разве не ловишь?

Здесь был ключевой момент. Я бросила ему прямое обвинение, завёрнутое в метафору, и вновь смотрела на него, не мигая.

– Линка, ко мне сами идут. Мне не надо напрягаться.

– Ну так муравей ведь напрягается. Или всё-таки ты тоже паук, паучок?

– Лина! Я ненавижу пауков. Терпеть не могу. Давай не будем про это, а? Такой вечер...

Через полчаса я его оставила. И всё же. Мне не давал покоя мой вопрос. Ожидание в темноте коридора, заготовленная сеть, маска на лице. Поведение паука! И я «загуглила» поведение пауков.

Меня поразила один текст. Привожу отрывок.

«Способность секретировать паутинную нить – характерный признак почти всех пауков. Материал для неё образуется в особых железах, расположенных в задней части брюшка, и выделяется паутинными бородавками. Некоторые пауки производят нити разных видов и пользуются каждым из них для вполне определённых целей. Когда в сеть попадает добыча, паук обычно оплетает её паутиной и лишь затем

убивает ядовитыми хелицерами и высасывает. Самая интересная особенность пауков – строительство из паутины ловчих сетей. Формы их весьма разнообразны и часто очень красивы».

Тут в дверь постучал Сидоренко. Я попросила его не мешать мне работать. Он в этом деле не помощник, похотливый ленивец.

Итак, идея насильнику пришла не спонтанно, он стратег. Действовал грамотно и был методичен. Долго ждал – он чересчур терпелив, не холерик, точно. Он всё рассчитал, у него логичный склад ума. Он ценит время и не будет его терять в баре.

Остался один Мельников. А улики? Боже мой! Совсем не подумала... Сеть-то может ещё на мусорке... В воскресенье наверняка мусоровозка не приезжала. Но уже наступили потёмки. И я рванула из бара. Выяснила у Кати, что приходили узнать, что с ней, Гоша и Арина (кстати, они вроде спелись). Но ко мне приходил один Гоша.

Быстро накинула ветровку и на выход. Но там меня остановил Воронов.

Он: – Типа, что за исследование?

Я: – А типа какая тебе разница?

Он: – А ты куда на ночь глядя?

Я: – А тебе зачем, куда я на ночь глядя?

Он: – Лиана, ты что-то странная.

Я: – Ок. На том и порешили.

Контейнерная площадка стояла в отдалении, за бетонным забором. Я светила фонарём, но ничего не находила. «Он логичен и осторожен. Пакет не мог бросить, а скорее спрятал, причём наверху, чтобы машины не оставили его на дне мусорки». Тогда я осмотрела большие чёрные пакеты. Они были залеплены скотчем, и один из них был сверху открыт. Меня будто толкнуло в грудь. Я высыпала его содержимое, и пакет с сетью выпал к моим ногам. Внутри лежала она – сеть. Тонкая рыбацкая сеть. Она лежала, как сброшенная с неба вуаль, призрачная и скользкая.

Я зашла за мусорку, присела и рассмотрела её. Это не было грубое плетение; это был шёпот насильника, застывший в этих плетениях. Каждая нить – тоньше лески, прозрачная, как слюда, и холодная на вид. Они пересекались под безупречными углами, образуя ячейки-ромбики, столь мелкие, что сквозь них едва проходил мизинец. Сеть была автографом этого мерзавца. Узлы – не простые и не рыбацкие. Это были морские узлы: сложные, изящные и чудовищно надёжные. Булинь, восьмёрка, шкотовый. Такие вяжут не для грубой силы, а для красоты и совершенства. Она была эстетически красива. Под светом фонаря сеть отливала мокрым, серебристо-серым блеском, словно была сплетена из жидкого олова или первых капель осеннего дождя. Но в темноте

она становилась невидимой – лишь лёгкое мерцание и рябь в воздухе, уловимые лишь боковым зрением.

Просто почерк паука-педанта, того, чей ум жаждет идеальных форм и безупречных систем. Того, кто всё рассчитывает и вычислить его невозможно. Не учитывает он лишь одного: того, что есть образное мышление, есть метафора, от которой ему не спастись.

Я снова включила воображение и нашла метафору: сеть-душительница, а потом метафору: сеть-невидимка с предназначением опутать жертву мгновенно и беззвучно, запутать тончайшими нитями, которые не порвутся. Она была математически точной, лишённой всего лишнего – чистый функционал тихой смерти. От неё веяло не грубой силой, а безжалостной, отточенной эффективностью. Это был не инструмент рыбака, а инструмент извращенца, где каждый узелок был завязан с хладнокровным мастерством.

Явно кто-то из любителей пауков мог такой привезти в своём багаже из Москвы. И как паук, поймав свою жертву, затем свернул свою паутину. Оставалось цинично и небрежно напомнить о своём методе в анкете.

Ветер шевельнул край сети в пакете, и она пошевелилась, как паучиха, притворяющаяся мёртвой. И я заметила тень, отделившуюся от здания отеля, – скоро она появится здесь. Но я уже знала, кто стоял в тёмном коридоре той ночью. Ему мало было стонов жертвы, ему нужно было создать идеальное произведение насилия. Инсценировку, где он – режис-

сёр, паук, а мы – мухи, летящие на свет его расставленных намёков. Он только ошибся с финалом. Он не учёл, что у боли другая логика. И своя справедливость.

Я зашла за ограждение мусорки и набрала один номер. У тени под стеной отеля зазвонил телефон. Правда, тень предпочла не отвечать. И я вдруг обнаружила, что страх мой пропал тогда, когда я поняла, кто это был, – когда я поняла, кто боится меня больше, чем я его.

Я собрала всех той же ночью. Коротко, без лишних слов, объяснила, что случилось и куда мы пойдём. Я просто показала сеть, а также один ответ в анкете. Затем прочитала вслух отрывок о пауке, который плетёт и уничтожает свою паутину.

Мы вошли к нему с помощью запасного ключа, выданного нам администратором, когда ложный рассвет начинал синеть за окном. Виталий открыл глаза, увидел меня и со страху сказал:

– Это не я.

Тем самым выдав себя с головой: ведь мы не предъявляли ему обвинение. Но сеть взметнулась над ним – не грузным полотном, а лёгким, зловещим облаком – и накрыла его с головой. И в его глазах впервые мелькнуло не понимание, а сбой, нарушение алгоритма, когда он не сможет сделать «перезагрузку». Он увидел не испуганных мух, а молчаливую, сплочённую тень восстановления справедливости и возмездия.

И мы стояли молча. Смотрели, как он бьётся в паутине, которую сплёл сам. Как идеальные узлы, затягиваясь, лишают его не воздуха, а главного – контроля. Он был больше не архитектором, а насекомым, попавшим в собственную ловушку.

Двое мужчин подняли его и понесли. Колонной мы шли к морю. Тихо. Угрюмо. Ну прямо похоронная церемония. Двадцать восемь человек несли одного. Катю мы оставили в отеле.

Он всё понял: умолял, визжал, кричал, ругался, снова умолял, чтобы его отпустили, что с Катей всё было по обоюдному согласию. Как я и предполагала. Мы бросили его в воду, а когда это стало критично и он наверняка попросился со своей ничтожной жизнью, вытащили на берег и оставили корчиться на песке.

...Когда я утром собирала чемодан, вспомнила о записке, той самой, что достала из чёрного ящика в первый день приезда, от одного из нас в отеле «Marine Garden». Развернула и поняла, кто написал эти слова: «Бойся темноты».

Мы разъехались. Катя так и не оправилась. Она до сих пор вздрагивает от теней на полу. Правда, вчера, когда минуло семь месяцев и за окном весна, она сказала мне, что сны с геометрическими тенями стали приходить реже. Выходит, я не зря семь месяцев ждала ответа на вопрос: можно ли зло победить вот так, молча, без обвинений и судов, лишь заставив его посмотреть на своё отражение в идеально сплетён-

ной сети.

Ущелье Дьявола

Часть 1

Грохот камней в горах для него был привычным, привычной некуда. Поэтому он уже перестал поворачивать голову в сторону горного зрелища, только вздрагивал. Он не раз бывал в таких местах, ещё со студенчества, хотя теперь стукнуло тридцать. Он вспомнил, как ещё в университете ему, Скоробогату, возраст давали за «тридцатник». Когда это было, в каком году?

Едва группа перешла горную речку, как быстро совершила подъём на старую плешивую гору, заросшую соснами. Потом на верёвке был спуск в ущелье, и по мелководью проход до места стоянки. Вот тут и загремело: в ближних горах произошёл обвал. В этот раз камнепад был, как дождь в Таиланде, – отметил Скоробогат, – неожиданный и скорый. Хорошо, грохот не застал людей во время спуска по верёвке: от страха руки могли разомкнуться. Да, всякое бывает в этом ущелье.

Место называли ущельем Дьявола вроде как из-за грохота камней, хотя ходили слухи, что туристы здесь пропадали. «Только не говорить группе про эти байки. Ну, а про какое ущелье нет баек?» – так успокаивал себя Скоробогат.

Он решил поделиться с группой теми положительными отзывами об ущелье, что специально подготовил по случаю, но лишь успел заикнуться, как перебила эта тараторка Жанна – никакого уважения к организатору группы. А ведь хотел поддержать всех морально. По его давнему наблюдению, к камнепаду нельзя привыкнуть: обвал или гром на небе – где-то загремело – вздрагиваешь. Вот и в этот раз только спустились в ущелье – и ба-бах!

Жанна вспомнила стихи Пшавелы: *«И вздрогнули горы, и с гор посыпались камни в ущелье»*.

Так вот. Скоробогат заранее «прозондировал» вопрос: бывалые альпинисты говорят – камнепад «словить» на подъёме быть беде. В общем, примета плохая.

Пока Жанна выясняла свои проблемы, Скоробогат передумал обсуждать местные камнепады: в группе все бывшие сокурсники, пугать их не стоит. И без того дрейфят. Взято всего четверых, тем не менее скоро начнут ныть: «Куда привёл?», «Лучше места не нашёл?», «Почему не предупредил?». Вот народец интересный: друзьями никогда не были, а в такой сложный для них поход отправились, стоило только свистнуть, – так рассуждал Скоробогат.

Правда, один человек с ним в походе побывал – Илонка. За прошедшее время она стала как будто ещё свежее, ещё моложе, что ли. С блондинками такое бывает. Заплела косу, окрепла, в глазах больше блеска. После того, что между ними произошло в том студенческом походе, ему показалось

очень странным, что она согласилась сейчас, когда её позвала Жанна. А тут ещё одна странность: скороговорки у Илоны какие-то с намёком. Зачем она сказала: «Щель ищет ручей»? С намёком?

...Илона тогда сильно обиделась. «Странно: девушка делала недвусмысленные знаки – ну, мужчина не удержался... чего дуться?» – так рассуждал Скоробогат. Он гордился своей мускулиностью, простотой и «здоровым», как он говорил, упрямством. Илона с того времени изменилась: стала более загадочной, что ли, а ещё приобрела выносливость, гибкость, где-то научилась вязать узлы и профессионально спускаться по верёвке. Стало быть, зря времени не теряла, поднаторела в этом деле.

Сегодня совершили вертикальный спуск – девять метров. Так она сама справилась, ещё и Жанне помогла. Похудела по сравнению с Жанной. Ну-ну. Готовилась наверняка. Значит, простила меня. Да и сегодня она наверняка заметила, когда зашёл разговор о природе мужчин и женщин: все ребята были на моей стороне, – так рассуждал Скоробогат.

Группа оставила рюкзаки на стоянке и сейчас столпилась вокруг каменной пирамиды метрах в семистах от стоянки, за скалой. Дело в том, что не было здесь никакой пирамиды, когда группа полчаса назад шла разбивать лагерь.

– Да хорош шептаться, – проворчал Скоробогат.

– А кто шепчется? – спросили из группы. – Ты лучше скажи, как мы там будем без интернета?

– Хорош панику нагонять. Без интернета проживём. Жанна, ты так оглядываешься... Здесь нет никого, кроме нас. Ну, обвал – такое тут не редкость. Ну, пирамида... До нас тут была другая группа, их рук дело. Что вы всего боитесь? Вон у Алекса красная куртка: нас и с вертолётa видно будет. А вы боитесь потеряться тут.

Помолчали.

– ...Мы одни в ущелье. Больше никого. Я проверил. – Скоробогат выпрямился, от сказанных слов раздвинул пошире плечи. Так-то лучше, теперь он не такой щуплый, каким является на самом деле.

– Молодец, – Виктор Копыто проговорил это слово с иронией.

Скоробогат знал: от Виктора поддержки не будет, поэтому надо смахнуть с головы комочки земли и спросить на всякий случай:

– Виктор, твоя работа?

– Ты о чём?

– Ну, пока я спускался, ты специально мне на голову песок сыпанул?

– А надо было?

– Смотри, шутник.

И все почему-то посмотрели на Виктора-шутника. Помнили, как Скоробогат нагрел его на крупную сумму «зелёных».

– Слушай, начальник. Вот мы верёвку оставили. А если её

украдут или обрежут? – спросила Жанна.

– Для потехи, да? – начальник Скоробогат показывал готовность парировать любой вопрос.

– Угу.

– В горах исключено.

Скоробогат вдруг наорал на Алекса и Копыто, обозвал их. Его ругань прозвучала несуразно, явно не к месту, будто зло копил давно и вот выплеснул.

– Шутки с верёвкой и этими камнями – это редкость. А орать и оскорблять товарищей – это в порядке вещей? – прокомментировала Жанна. – Илона, ты меня не поддержишь? За время подъёма ты со мной ни разу не заговорила. Тебя всё устраивает? Я когда тебе позвонила, была уверена, ты откажешься. Интересно, зачем ты вообще в поход пошла? О! Я знаю: сейчас мы на Скоробогата наденем шапку Мономаха, а ты сфоткаешь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.